

Маэстро Белякович на фоне юбилея

«Театру на Юго-Западе» - уже двадцать лет! Незаметно для всех нас он вступил в свой двадцатилетний юбилей. Для меня-то действительно незаметно, потому что мне казалось, что совсем еще недавно был ГИТИС конца 70-х, студент режиссерского факультета Валера Белякович (кто мог узнать в нем бессменного мощного лидера одного из ярчайших театров?) и его первые спектакли на Юго-Западе, интригующие новизной, на которые ехала вся Москва. Хотелось эту фразу написать повыспреннее, подчеркнув тем самым мое давнее знакомство с Валерой, не переставшим удивлять вот уже на протяжении двадцати лет.

Я только и делаю, что пою ему в течение этих лет дифирамбы, находя все новые комплименты и все не переставая удивляться. Словом, продолжаю свой затравившийся монолог о Маэстро, разбросанный по страницам самых разных изданий; так сказать, развернутый во времени «очерк стиля». Надеюсь, сквозь все мои наблюдения передается мое восхищение и моя любовь? С юбилеем тебя, Валера!

Его маленький театрик на проспекте Вернадского - это беспрерывные, многолетние, нервные аншлаги и неисправимый зрительский ажиотаж, игнорирующий миф о непосещаемости театров. Количеству всего написанного о «Театре на Юго-Западе» позавидовал бы любой академический коллектив. Сценический язык его становился предметом детального теоретического анализа в прессе и в монографиях. Ах, маэстро Белякович, в чем же Ваши загадки и каковы разгадки вечного притяжения Ваших спектаклей?

Вот программа последней премьеры. На ее обложке - по-прежнему впечатляющий репертуар более чем из тридцати названий, в основном все классика, и какая: Шекспир (несколько пьес), Гоголь (также не одна), Гольдони, Чехов, Булгаков (два названия), Сухово-Кобылин, Макиавелли... Дальше - западная и современная драма... Репертуар какого-то неукротимого размаха, вроде бы не соотносимого с малюткой-сценой, как будто ее режиссер одержим маньер величия и всеохватности. Да, он никогда не беспокоил себя мелочами, играя только крупно и по большому счету. Я, и не только я, знаю его всегда масштабным, всегда неистовым; человеком, в прицеле которого - лишь движение, страсть, порыв. «Упоение в бою». Словом, все то же, что обычно.

Он всегда будет проходить для нас по части «мужской ре-

жиссуры». То есть мужественной во всех смыслах. В чем сила и блеск его постановок? В его легендарном «штурме и натиске». (То - основа всего его творчества!) Его постановочная неотразимость - в атакующей остроте, в фирменном «сверхдавлении» его зрелищ, в упругом и бурном напоре, что является свойством самой его неумейной натуры. Собственно,

ему, с его темпераментом, не приходилось особенно выбирать: ритмы покоя и лирических построений оставались для него навсегда неустраиваемыми. Его стиль - экспансия. Экспрессивное движение во всевозможных проявлениях - его человеческая и творческая суть. Его личные взрывчатые запасы и неукротимая энергия порождали неуважающий пульс его постановок, их упругий огонь и эмоциональное натяжение.

Обжигающая энергетика его спектаклей (легендарная, мифическая, сто раз описанная и вновь открываемая свежим поколением современников) покоряет, сбивает с ног, вдохновляет (предпочтите любое из трех). Это энергетика крупной личности, выходящей своей спектакль, как огненный залп. А общая экзальтация света, движения и звука превращает этот спектакль в осатанелый «поток, летящий с кручи» (название моей статьи о здешнем «Макбете»).

Его вечное вдохновение к дурачествам и легкомыслию в самых серьезных вещах породили гротеск, сатиру и фарс как ведущие жанры его сцены. Веселое канальство, шутовство и кураж тут в обязательном составе всего и вся. Что клонит критиков к упоминанию по-

нятий цирка, балагана и скomorошества - олицетворяющих чисто русский архетип зрелища.

Таков его, Беляковича, личный артистизм, порождающий эстетический словарь его сцены. И таков на сегодня его «режиссерский прикид», в котором легко узнаваемы и новые его постановки.

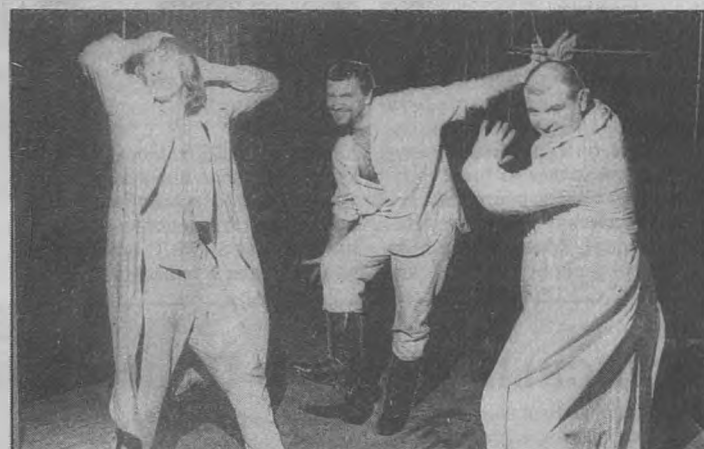
В юбилейном сезоне поданы нам две свежие классические (конечно же) вещи: «Сон в летнюю ночь» (теперь четвертый Шекспир в его репертуаре) и «На дне».

Маэстро знал два главных полюса своих тяготений и распределил между ними поровну две свои юбилейные постановки - трагедию и фарс.

«Сон в летнюю ночь», одетый в сплошные виноградные гроздья, стал, наверное, самым веселым его спектаклем. Из длинной и томно-скучной комедии Шекспира с путаницей действующих лиц, обманов, колдовства и прочих перипетий, в которых вечно невозможно разобраться, он сделал гомерически веселую штуковину.

Его «экспансионизм» имел тут свой прицел: раскромсав приторно-поэтический сюжет, приготовить из него прикольный капутнический фарс. Невзирая на «классическое благородство», он позволил себе свободно отдаться тому, что у него выходит лучше всего - безответственному, шальному, великолепному, нахальному, сочному, хулиганскому стелбу. Пьеса, наполненная чинными гражданами Афин и изящными лесными духами, превратилась во вселенский балаган с безжалостной бытовой аранжировкой, шутовскими физиономиями и безвозвратной марionеточностью. Даже самых юных красавиц лишили права на поэтичность и лирику, облачив их в клоунские манеры и заставив разыгрывать буффонаду. О, было весело! Все неслись в безумном хмельном угаре, бесконечные кульминации, коды и финалы, путаясь, сменяли друг друга, течение было бурным, и не отдыхал никто - ни актеры, ни зрители. Все было вкусно. Празднично.

Эта вечная жажда праздника и загула у Маэстро, вообще-то, в крови, этого праздника ему всегда так хочется, и он, этот праздник, у него всегда слишком хорошо получается, слишком большое удовольствие доставляет... И, честно-то

говоря, он из всего (почти всего) готов устроить себе и нам фокус и веселье. Ну, а в «Сне в летнюю ночь» сам бог велел сотворить великое гулянье и разгул, шум и кутерьму, оргию без границ.

Весь этот вздор и дым, и гам, и треск, беготня, бредятина и отсебятина, которой подвергался наш милый Шекспир, разбавленный на восемьдесят процентов «вольным текстом от Беляковича», смахивали на розыгрыш. «Пиетета» к классику не ощущалось. Он игрался на жаргоне Коляды, был энергичен и груб. А может быть, так же, как бывали грубы и демократичны сам Шекспир и шекспировские актеры в шекспировские времена? Как знать, как знать, но кажется, что старичок Шекспир не стал бы особенно протестовать против этого «Сна в летнюю ночь».

А Горький? Наш пролетарский классик, может, и взгрустнул бы, но ненадолго - видя, как его эпохальная пьеса лихо пересказывается на Юго-Западе «своими словами». Босяки костылевской ночлежки шпарили вольные «внутренние монологи» на темы своих персонажей, воплощая идею импровизации, которую когда-то, между прочим, и сам Горький вынашивал. Ну да что там. Сии вольности (такова уж участь классиков на Юго-Западе) оправдывались тут иными достоинствами.

Напраздновавшись и наколбродив в летних снах, Белякович в следующем спектакле поразил нас мистерией такой трагической силы, что упреки в «вольности текста» забылись сразу же. Надоевшая школьная пьеса «На дне» явилась мощной экзистенциальной драмой, где герои, сбившись в яростный хор, были одержимы лишь одним побуждением - мучительной жаждой обретения истины о себе и о мире. Экстаз поиска смысла существования, этой единой, на всех, идеи, превратил горьковскую пьесу в испуганный хоровой сюжет. Где музыкальный поток, синхронность пластических дей-

вий и общий вопль голосов, вступающих без пауз и передышек, неслись раскаленной лавиной. Презрев привычные горьковские «собеседования в прозе», босяки друг за другом отвоёвывали себе место на авансцене, чтобы выдохнуть в зал патетически-страстный монолог на тему «Кто я, зачем я?!» Истовость их теньящих друг друга партий хватает вас за горло, рвет душу, томит сердце, и вы внезапно отдаете отчет, что Горький был блистательным провидцем, мучившим себя, а до сих пор и нас, «вопросами вечными, вопросами духа». Ведь исступленные монологи наших героев казались сейчас воззванием каждого к Богу и ко Вселенной, частицей которой вдруг сделались эти нелепые жалкие маргиналы.

Об этой постановке Беляковича много говорят и пламенно пишут, его Горький, пущенный в нас, словно пуля, стал «открытием». Собственно, как и все в его театре, основа которого - страсть и горенье.

В отличие от некоторых сегодняшних авангардистов, любящих сочинять вещицы для себя, но не для зрителя (и тут можно много кого вспомнить), Белякович - воспламенитель сердец. Легендарный пламень его постановок рождает столь же легендарное, многолетнее, великое возбуждение его зала. Тот ответный жар, без которого его спектакли просто немислимы. И то священное слияние сцены и зрителя, ради которого, в общем-то, и живет театр. Да, Валерий Белякович демократичен, то есть неизменно обращен к нам с вами. Пусть он будет с нами всегда.

Ольга ИГНАТЮК.

На снимке: сцены из спектаклей «Сон в летнюю ночь» и «На дне».

Фото М.ГУТЕРМАНА.

Шеф-редактор
Наталья
БАЛАШОВА.